

«Петербургский дневник» представляет

**Виктор
Васильев**

Тяжелым испытанием стала война для всех: для солдат на фронте, для тружеников в тылу, но особенно – для детей, оказавшихся в оккупации или в фашистских лагерях

Зарубки на сердце

Писатели на войне, писатели о войне

Писатели на войне, писатели о войне

Виктор Васильев
Зарубки на сердце

«Информационно-издательский центр
Правительства Санкт-Петербурга»

2015

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622

Васильев В. Н.

Зарубки на сердце / В. Н. Васильев — «Информационно-издательский центр Правительства Санкт-Петербурга», 2015 — (Писатели на войне, писатели о войне)

ISBN 978-5-91498-065-5

Это повесть о военном детстве автора, о борьбе за выживание в оккупации и в нескольких фашистских концлагерях. Словно репортаж глазами и сердцем мальчишки из далекого и страшного прошлого. Словно предлагается читателю перенестись в это прошлое и вместе с мальчиком пережить эпизоды Великой Отечественной войны. Но надо было не только выжить в нечеловеческих условиях, но и сохранить в себе Человека – не раболепствовать, не соблазниться на подачки фашистов, не упасть до предательства явного и не явного. Не разувериться в окончательной нашей победе. Это, может быть, еще труднее было, чем переносить жесточайший голод, холод, болезни и постоянный страх смерти, в концлагере в эстонском городе Валга, особенно в детском возрасте.

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-91498-065-5

© Васильев В. Н., 2015
© Информационно-издательский центр
Правительства Санкт-Петербурга, 2015

Содержание

ОТ АВТОРА	5
ОТ РЕДАКТОРА	6
ЧАСТЬ 1.	7
ГЛАВА 1.	7
СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ	7
НОВЫЙ ДРУГ	11
СХВАТКА С БЕЛОФИННАМИ	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Виктор Васильев

Зарубки на сердце

ОТ АВТОРА

Детство, прошедшее в оккупации, в фашистских концлагерях... Никогда не затихнет боль от тех переживаний, что принесла война. Детская память имеет свойство не тускнеть с годами, а все ярче выкристаллизовываться в обостренное чувство сопричастности к историческим событиям прошлого. Все больше понимаешь с высоты прожитых лет, что надо нашим внукам и правнукам знать, какая это была война, какой ценой добывалась победа, какие несказанные муки выпали на долю их дедов и прадедов. Чтобы не пропали, не исказились уроки прошлого и никогда бы не повторилась мировая война. Главное – успеть передать свой опыт и знания нашим потомкам, как бы ни было больно все вспоминать. Ведь так мало уже нас осталось – живых свидетелей той страшной войны! В моей повести нет ссылок на документы, нет текстов приказов гитлеровцев и сводок Советского информбюро, нет обзорного анализа событий тех дней. Документальность ее заключается в том, что в ней собраны мои личные наблюдения, раздумья и переживания тех мальчишеских лет. Лишь то, что я сам видел, слышал и чувствовал, что сохранила моя память зарубками на сердце. Здесь нет ни одного вымышленного имени или события. Только для чувств и переживаний детских лет теперь найдены, как мне кажется, точные слова и определения. Как бы репортаж глазами мальчишки из того далекого прошлого. Как бы приглашение читателю вместе с мальчиком заново пережить те страшные эпизоды войны.

Повесть, конечно же, о Великой Отечественной войне, о борьбе за выживание в оккупации и в концлагерях. Однако мне показалось целесообразным в первых двух главах отразить беззаботное предвоенное детство. Несмотря на скудость питания, подчас плохую одежду и обувь, во дворах со сверстниками мы много играли и крепко дружили, никому не завидовали. Мы пели много-много прекрасных песен. Мы гордились своей страной, Красной армией, были патриотами и считали себя счастливыми.

А в годы тяжелых испытаний эта мирная жизнь была для нас мечтой и отрадой, придавала нам сил в минуты отчаяния. Ведь надо было не просто выстоять, выжить любой ценой, но еще надо было сохранить в себе человека – не пойти на поклон к фашисту, не сподличать, не предать. Это касалось не только женщин и стариков, но и нас, малолеток.

Надеюсь, что повесть может быть интересна как школьникам средних и старших классов, так и взрослым читателям.

ОТ РЕДАКТОРА

Автор книги, Виктор Васильев, не воевал, но с полным правом может говорить, что он участвовал в Отечественной войне, хотя был тогда ребенком.

О Великой Отечественной войне написаны горы книг: о сражениях на фронтах, о партизанском движении, о героизме людей в тылу, о мужестве и предательстве. Виктор Николаевич обратился к иной теме – жизни и борьбе с врагом за выживание детей, женщин, стариков на оккупированной немцами территории. Этот пласт литературы долгое время не был востребован. И вот Виктор Васильев в новой документальной повести «Зарубки на сердце» знакомит читателя с этой страницей войны. Да, жестокие годы оставили много таких зарубок. Что могли дети, старики и женщины, оставленные под немецкой оккупацией, противопоставить бесчинствующим фашистам? Главное – сберечь в этой мерзкой жизни себя, своих близких, выжить и еще раз выжить. И помочь тем, кто нуждался в такой помощи. Старшие молились в надежде обрести спасение у Бога. А враг? Ему сжечь дом, расстрелять на глазах дочери ее мать, оставить жителей деревни без кур, поросят и всякой живности, заставить людей голодать – лишь забава, удовольствие. Кровь стынет в жилах, когда читаешь эти строки!

Еще более опасной и полной лишений стала жизнь героев повести в эстонском концлагере, куда немцы отправили жителей сожженных деревень. Автор с горькой правдой, порой беспощадно, с присущей ему художественной убедительностью рассказывает о сверхтяжелой доле тех, кто был размещен в лагере.

С большой надеждой ждали узники прихода Красной армии и освобождения от рабства. Канонада советских орудий слышалась все ближе и ближе. Все чаще появлялись наши самолеты в небе над Эстонией и Латвией. И вот она – долгожданная свобода! Но...

Известно: тогда наша власть не питала любви к узникам немецких концлагерей. Их надо было еще проверять: не предатели ли они?

Эта повесть – документ нашей истории, той ее страницы, в которую так много вместилось: и мужество, и борьба, и участие, и жертвы, и все, что есть доброго и благородного в русском человеке. Надеюсь, что повесть сыграет положительную роль в художественном, идейно-нравственном и гражданско-патриотическом воспитании читателей, прежде всего – молодежи.

В заключение пожелаю автору, Виктору Васильеву, доброго здоровья и новых содержательных и ярких литературных произведений.

Редактор Вячеслав Булгаков, кандидат исторических наук, член Союза писателей России

ЧАСТЬ 1. НАШЕСТВИЕ

ГЛАВА 1. В ВОЗДУХЕ ПАХНЕТ ГРОЗОЙ

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Старосиверская – окраина поселка Сиверский Ленинградской области, 26 сентября 1939 года. Мне исполнилось шесть лет. Я принимаю подарки. Стою перед зеркалом. На мне новенький матросский темно-синий костюмчик и бескозырка. На черных лентах – золотые якоря, на бескозырке крупно написано слово «герой». Рядом со мной стоят мама, бабушка и четырехлетняя сестренка Тоня. Папы сегодня нет. Он работает через день пожарным в Ленинграде и придет только завтра. Этот костюмчик мне очень нравится, особенно бескозырка. Я верчусь перед зеркалом под одобрительным взглядом бабушки и завистливым взглядом сестренки.

– Дай, дай мне помелить! – картавит Тоня и сдергивает с меня бескозырку. Она ей велика и проваливается ниже бровей. Видны только щелочки довольных, смеющихся глаз.

Сейчас придут гости с подарками. На столе уже стоят чашки с блюдами, сахарница, тарелка с печеньем, блюдец с конфетами в фантиках и стеклянная банка с брусничным вареньем. Стол дощатый, узкий, покрытый клеенкой, по бокам – две скамейки. Первой появляется моя ровесница Райка, наша соседка по дому. Ее папа – командир Красной армии, мама – важная дама в сережках и кольцах. Они занимают переднюю часть нашего казенного дома с двумя комнатами и отдельным входом через веранду. С моими и с Колькиными родителями они не знают. Но Райке иногда разрешают играть с нами. У Райки красивые темные волосы рассыпаны по плечам. Розовое платье, новые белые башмачки. Она принесла в подарок два соевых батончика, протянула мне:

«На!» – и полезла за стол.

– Раечка, – сказала мама, – подожди немного, еще не все гости собрались.

– А я хочу занять место. Я здесь подожду, – ответила Райка.

Мама подошла к столу, взяла с блюдецка две конфеты и дала Райке, чтоб не скучала. Тоня стоит рядом со мной, я даю ей половину Райкиного подарка – один соевый батончик. Так у нас принято: подарками надо делиться.

Вскоре приходит Люся. Она живет через несколько домов от нас. Ее родители дружат с моими родителями, а я дружу с Люсей. Она старше меня на полгода и чуть повыше ростом. На ней синее платье с закрытым воротом. У нее голубые глаза, которыми она умеет смотреть как-то очень тепло и дружески. А улыбка... Мне кажется, что так она улыбается только мне. Она принесла пластинку для граммофона, а Тоне – заводного цыпленка. Сестра сразу взялась заводить его на полу.

– Желаю тебе счастья, Витя, – улыбается мне Люся.

– Спасибо, – я отвечаю и чувствую, что краснею.

Колька запаздывает. Он живет в соседней комнате, за стенкой, у нас общая кухня. Его папа – тоже пожарный и работает вместе с моим папой в Ленинграде. Колька на полтора года старше меня, ему на следующий год идти в школу. Он выдерживает фасон и ждет особого приглашения. Я стучу кулаком ему в стенку. Он тут же появляется, в серой рубашке с воротом нараспашку и в черных брюках. Колька молча дает одно яблоко мне, а другое – Тоне.

Теперь все в сборе. Мама рассаживает нас за столом. Я между Люсей и Тоней. Бабушка несет из кухни свой подарок – пирог с капустой. На нем шесть горящих свечек.

– Ну, ребятки, – говорит мама, – давайте все вместе поздравим Витю, а он задует свечи. Раз, два, три: по-здрав-ля-ем!

И мы все кричим вразной, даже я со всеми кричу: «Поздравляем!» – потом спохватываюсь и задуваю сразу все шесть свечей.

Растроганная бабушка кончиком головного платка вытирает уголки своих глаз. Мама разливает чай, разрезает пирог и раскладывает по розеткам варенье. Потом она и бабушка уходят на кухню. Начинается пир. Без взрослых мы чувствуем себя свободнее.

Можно болтать ногами, можно толкаться, хихикать.

Тоня жует пирог и чавкает. Я дергаю ее за рукав, шепчу ей: «Не чавкай». Послушалась – отложила пирог и взяла конфету.

Вспомнили про Люсину пластинку. Я забираюсь с ногами на табурет возле комода. На нем стоит граммофон и стопкой лежат пластинки. Это мое хозяйство, моя гордость. Здесь я все знаю и все умею. Вставляю ручку в гнездо, полностью завожу пружину, проверяю, стоит ли иголка в головке. Труба граммофона, вся в голубых цветах, повернута в сторону стола. Пластинки я знаю наперечет и легко читаю названия на этикетках. Здесь «Провожание», «И кто его знает», «Сулико», «Дан приказ: ему на запад», «Любушка», «Андрюша», «Тачанка», любимая мною «Песня о Каховке» и многие-многие другие. Ставлю Люсину пластинку. Из трубы раздается: «Мы едем, едем, едем в далекие края...» Эта задорная «Песенка друзей» нравится всем и соответствует нашему настроению. Я ставлю ее второй, третий раз кряду. Мы все подпеваем и хлопаем в такт ладошками по столу:

...Красота! Красота!
Мы везем с собой кота,
Чижика, собаку,
Петьку-забияку,
Обезьяну, попугая –
Вот компания какая!..

Даже важный Колька и задавака Райка подпевают и хлопают по столу. На обороте пластинки Рина Зеленая читает стихотворение «Снегирь» Агнии Барто. Это тоже здорово! Особенно место:

...До того я был хорошим –
Сам себя не узнавал...

Такой забавный мальчишка в этом стихотворении, что хочется с ним подружиться. «Снегиря» тоже ставлю два раза.

Замечательная пластинка! Вот подарок, так подарок!

Потом Колька предложил:

– Пошли в прятки играть!

На улице ясный, безветренный день – подарок уходящего лета. У нашего крыльца растет березка, уже пожелтевшая. А через дорогу, около ручья, жмутся друг к другу две огненно-красные осинки. Наш деревянный одноэтажный дом стоит на перекрестке Ордежской улицы и шоссеной дороги на Красногвардейск (теперь называется город Гатчина). За дорогой – большая поляна с кочковатой травой. За перекрестком стоит двухэтажная деревянная школа. Я уже умею читать и неплохо считаю, но в первый класс, к сожалению, берут только с восьми лет.

Справа от поляны, на месте сгоревшего сарая, растут лопухи и крапива, среди которых мы любим прятаться. Начинаем считать:

На золотом крыльце сидели
Царь, царевич, король, королевич,
Сапожник, портной.
Кто ты будешь такой?

Водить выпало Райке. Она стоит у обгорелого столба, закрыв лицо ладошками, и начинает считать. Мы все – врассыпную. Я хочу прятаться с Люсей, но Тоня от меня ни на шаг. Приходится прятаться с сестренкой. От возбуждения она кашляет, и Райка нас быстро находит. Теперь мы с сестрой сидим на бревне и ждем, когда Райка найдет остальных. Тоня что-то сердито бормочет. Я прислушался:

Лайка, Лайка, балалайка,
Ты свой нос не задилай-ка,
Лучше ты на балалайке
Нам сегодня поиграй-ка.

Оказывается, Тоня сердится на Райку и бормочет дразнилку на нее, выговаривая букву «л» вместо «р». Ай да сестренка у меня! Ай да умница! Ведь никто ее не учил этой дразнилке. Сама услышала как-то – и вот запомнила!

Дразнилки у нас есть на каждого. Мы все их знаем и часто используем. Кто и когда сочиняет эти дразнилки – никому неизвестно. Будто сами собой появляются...

Играли и веселились до сумерек, пока мама домой не позвала.

Ужинаем на кухне при керосиновой лампе. Продолговатая, с одним окном кухня на две семьи, она же – и коридор с выходом на улицу. Посередине стоит кирпичная плита, от которой прогревается общая кирпичная стенка. По бокам – два стола: Колькин и наш. Мы вчетвером едва помещаемся за столом. Но в комнате едим только тогда, когда папа дома или гости собрались. Бабушка шепчет молитву и крестится. Мы с Тоней тоже крестимся перед едой. На ужин всем манная каша и чай с печеньем.

После ужина мы с Тоней отправляемся спать. Наша небольшая комната плотно заставлена. Слева от двери стоят оттоманка, кровать и комод. А справа – большой сундук с плоской крышкой, шкаф с зеркалом, буфет и этажерка. На столе стоит керосиновая лампа со съёмным стеклом. За столом – окно, в которое еще не вставлена зимняя рама. Мама с папой спят на кровати, бабушка с Тоней – на оттоманке. И только я, как барин, сплю один на сундуке. Спать, конечно, жестковато, и подушка иногда уползает из-под головы. Зато просторно, никто не мешает ворочаться с боку на бок.

Мама укладывает Тоню, поправляет подушку, одеяло, рассказывает коротенькую сказку. Потом целует ее, подкручивает в лампе фитиль, кивает мне на прощанье и уходит на кухню. Тоня засыпает быстро, а мне не заснуть. Зеваю, ворочаюсь, вспоминаю минувший день. Это был чудный день. Никаких огорчений. Одни радости. Самым первым поздравил меня папа. Еще ночью, перед уходом на поезд, он разбудил меня и подарил три рубля одной зеленоватой бумажкой! Целое богатство! Ведь на три рубля можно купить 30 круглых мороженых с именными вафлями! Но я не глупец, чтобы тратить денежки на пустяки. Мне нужен самокат, с красными колесами, звонком на руле и тормозом на подножке. Он стоит 30 рублей. У меня уже есть в копилке четыре рубля – теперь будет семь. Осталось накопить еще 23 рубля – и самокат будет мой! У Кольки нет самоката. У Люси нет самоката. У Райки есть, но она – жадина. А у меня будет свой – вот тогда все покатаемся! Нет, что ни говори, а хорошо жить на свете.

Фитиль в лампе разгорелся и стал коптить. Я встал и подкрутил его. Из переднего угла, с иконы, смотрел на меня строгий Боженька. Я поскорее отвел свой взгляд от него и остановился на черной тарелке радио. Скоро двенадцать, скоро включат Красную площадь. Сегодня у меня день рождения. Может быть, мама разрешит мне послушать?

Я вышел на кухню. Бабушка расставляла на полке вымытую посуду, а мама замачивала белье для стирки в детской цинковой ванночке.

– Ты чего не спишь? – сказала мама строго. – Сейчас же марш на сундук!

Я подошел и стал шептать ей на ухо:

– Mamочка, разреши мне включить радио. Ведь у меня день рождения.

Лицо мамино подобрело, она потрепала мои кудряшки:

– Ладно уж, полуночник, послушай свою любимую площадь. Но тихо-тихо, чтоб Тонечка не проснулась.

Я поцеловал маму и прошмыгнул в комнату. На ходиках было полдвенадцатого. Забрался на сундук под одеяло. Вошла бабушка, стала, кряхтя, раздеваться. Потом стала молиться на ночь: «Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя Твое, да придет царствие Твое...» Кончила молиться, вздохнула и легла рядом с Тоней.

Я подождал, пока на часах стало без восьми минут двенадцать. Пора. Тихонько встал, на цыпочках прошел к окну, взобрался на табурет и тихо-тихо включил радио. Играла музыка. Потом мужской голос сказал: «Включаем Красную площадь и бой часов на Спасской башне». Я услышал шуршание шин по мостовой, скрип тормозов, урчание двигателей автомобилей и переключку разноголосых гудков. Так продолжается минуты три-четыре. Я жадно вслушиваюсь в эту гулкую тишину в ожидании чуда.

И вот оно, чудо – первая россыпь колоколов! Звонкая, мелодичная, радостная! Потом вторая россыпь, третья. Сердце восторженно бьется. Первый одиночный удар главного колокола звучит мощно, густо, словно ставит точку на прожитом дне.

Кажется, что частички низкого баса его разлетаются по всей стране и гаснут на расстоянии. Только после этого раздается второй удар колокола, потом третий, и так далее. Я невольно считаю эти удары, как будто боюсь, что вдруг их окажется не двенадцать.

Все.

Стихает последний удар. Несколько томительных секунд тишины. И вот приятный мужской голос торжественно и гордо выводит:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек!
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек...

Эту песню я знаю наизусть, очень люблю и согласен с каждым ее словом. Да, это моя страна так широка и привольна, это мне так вольно дышится в ней.

...Над страной весенний ветер веет,
С каждым днем все радостнее жить,
И никто на свете не умеет
Лучше нас смеяться и любить!..

Это про меня песня. Это мне все радостнее жить.

...Но сурово брови мы насупим,
Если враг захочет нас сломать! Как невесту, Родину мы любим,

Бережем, как ласковую мать!..

Пусть только замахнутся, эти враги! Мы так брови насупим, так насупим, что они сразу разбегутся. Не знаю, как любят невесту, но как любить и беречь маму, я хорошо понимаю. Вот и Родину я буду так же любить.

Застучал метроном. А я все еще стою, прижимаясь ухом к тарелке. Жду, пока затихнет мое внутреннее волнение...

Я выключил радио, слез с табуретки и забрался к себе на сундук. Лампу оставил горячей – мама с кухни придет и сама задует ее. Вспомнил, что забыл помолиться перед сном, как учила бабушка. Еще рассердится Боженька! Но встать с сундука уже не хотелось. Повернулся на правый бок, подложил ладошку под щеку и быстро заснул, уверенный, что со мной и со страной все будет хорошо.

Кончился чудный день. А где-то далеко, на Западе, уже полыхала мировая война, о которой мы, дети, еще ничего не знали. И не могли знать, не могли даже подумать, что скоро, совсем скоро взорвется наше счастливое детство...

НОВЫЙ ДРУГ

В тот памятный 1939 год холода пришли рано – уже в начале октября появились заморозки. Пришлось папе доставать с чердака вторую, зимнюю раму. Между рамами положили ватный валик, покрытый плотной белой бумагой, и украсили мелко нарезанными кусочками цветной бумаги. На середину валика бабушка поместила желтый картонный крестик с косою поперечиной. На концы валика мама поставила две розетки с солью, чтобы стекла меньше потели. Я тоже приложил руку к украшению окна – положил несколько красивых гладких камушков, собранных на реке. Бабушка перекрестила окно, как будто оно живое.

– Теперь нам не страшен Мороз Иванович, – сказала она. – Перезимуем, благословясь.

Довольные своей работой, все пошли пить чай.

Потом я завел граммофон, и мы с Тоней стали слушать новую пластинку, которую папа привез из Ленинграда.

– Это песня про то, – сказал папа, – как у озера Хасан всыпали перцу японцам наши три танкиста, три веселых друга.

Мы с Тоней несколько раз прокрутили пластинку – все искали слова, как танкисты ловят япошек и сыплют им перец. Но слов таких не было. Вообще японцы не упоминались. Были только слова:

...И летели наземь самураи
Под напором стали и огня.

Мы пошли к папе за разъяснениями.

– Здесь только про самураев каких-то. А про японцев нет ни слова, – сказал я.

– Так это и есть японцы! – засмеялся папа. – Самураи – это военные японцы. Они не сдаются в плен, а делают себе харакири, то есть режут сами себе животы.

– Вот теперь мне понятно! – обрадовался я.

Харакири, харакири! Слово-то какое красивое! И я тут же побежал на улицу рассказывать мальчишкам о самураях, о нашей победе над ними, о дружных наших танкистах.

Как-то после завтрака бабушка сказала нам с Тоней:

- Сегодня мы пойдем в гости.
- Вот здорово! А куда пойдем? – спросил я.
- К бабе Акке, она вчера приходила к нам.

Финка, бабушка Акка, была еще не очень старая. Но четыре дня назад она едва дошла до нас. В каждой руке по палке, сгорбилась буквой «Г» и, морщась от боли, крошечными шажками передвигалась.

– Ой, Афимьюшка, выручай! Скрючил меня радикулит проклятый, нет силы терпеть!

– Ах ты моя горемычная, – говорила бабушка Фима, снимая с госты пальто. – Сейчас, сейчас, милая, Господь нам поможет.

Я стоял рядом и видел, как бабушка Фима помогла снять вязаную кофту с больной, через ситцевую сорочку стала прощупывать и простучивать пальцами ее позвоночник. Потом уложила гостью поперек небольшого порожка, головой в комнату, обула свои старые чуни (валенки с обрезанными голенищами) и стала бережно ступать на больной позвоночник. У меня всякий раз екало сердце: вдруг она раздавит финку? Бабушка Акка постанывала, но терпела. А бабушка Фима, наступая на позвоночник, шептала молитвы. Поплевывала через левое плечо и правой рукой делала жесты, как бы прогоняя что-то прочь, за порог.

Потом они пили чай и долго разговаривали о своих болезнях, о домашних делах и заботах. Моей бабушке Фиме было 82 года. Вообще-то она была бабушкой моей маме, а нам с Тоней приходилась прабабушкой. Весила она 80 килограммов. И мне было страшно представить себя лежащим через порог под тяжестью бабушки.

Уходила бабушка Акка от нас, уже немного распрямив свою спину. А вчера она пришла к нам не горясь и без палок. Принесла десяток яиц, трехлитровый бидон молока.

– Ты моя спасительница, – говорила финка. – Век буду за тебя молиться.

– Чего там, – отвечала бабушка Фима. – Это не я, это Господь сподобил моими руками.

Яички казались особенно вкусными. И молока парного мы с Тоней вволю напились. А сегодня нас еще и в гости позвали.

Хорошо жить на свете!

В деревне Старосиверской большинство жителей были финнами. Я там никогда не был. Шел и думал: «Какие же дома у финнов? На что они похожи?» Оказалось, что дом бабушки Акки похож на обычный русский дом. В большой, просторной комнате – русская печь. Стол кухонный напротив печки, а посередине комнаты – широкий обеденный стол со скамейками. Еще были шкаф, комод, две кровати.

Мы, оказывается, пришли рано, но бабушка Акка встретила нас очень приветливо:

– Проходите, проходите, гости дорогие! Снимайте пальто, садитесь. Мой сын и невестка еще не пришли с работы, а внучок Эрик еще в школе. Я вот масло кончаю взбивать, – показала она на бутылку с широким горлом и с отверстием внизу, закрытым деревянным штырьком. Бутылка была заполнена белой измяткой с желтыми комками масла сверху. Такую бутылку, измятку и масло я видел в своей родной деревне Реполке, где летом был у моей бабушки Дуни.

Бабушка Акка взяла две алюминиевые кружки, вынула штырек из бутылки, нацедила измятки мне и Тоне.

– Кушайте, кушайте. Измятка очень полезна детям, она улучшает пищеваренье, – говорила она.

– Какое-какое варенье? – шепотом спросила Тоня меня.

– Не знаю, – также шепотом ответил я. – Наверно, финны всякую пищу считают вареньем. Измятка и правда была очень вкусная, в ней попадались мелкие комочки масла.

Скрипнула дверь, вошел мальчик с портфелем.

– А вот и внучок мой явился, – обрадовалась бабушка Акка. – Эрик, познакомься. Это моя спасительница бабушка Фима. А это ее правнуки Витя и Тоня.

Эрик всем поклонился, сказал:

– Здравствуйте.

А мне протянул руку по-взрослому, назвал какую-то финскую фамилию и свое имя. Я растерялся, пожал его руку и тихо промямлил:

– Витя.

Свою фамилию я почему-то просто забыл в этот миг. Но Эрик не засмеялся. Он уже был второклассником, ему девять лет исполнилось.

– Пойдем, я тебе покажу самое дорожное, – сказал он мне так просто, как будто давно со мной дружил.

Все мое смущение сразу пропало. Тоня тоже хотела с нами идти, но бабушка Акка сказала:

– А ты останься. Я дам тебе альбом, будешь картинки раскрашивать.

Мы с Эриком вышли во двор, потом под навес. Там было устроено что-то вроде столярной мастерской и склада разных материалов.

– Это хозяйство моего папы. Он занимается разными поделками в свободное время, а я иногда ему помогаю. Если быть терпеливым, упорным, то многому можно научиться у папы. Вот, например, молоток, – он взял в руки обыкновенный молоток с гвоздодером. – Что тут особенного? Знай колоти. А вот посмотри сюда внимательно.

С этими словами он взял гвоздь средних размеров, поставил на доску, чуть-чуть пристукинул, чтобы он знал свое место. Потом поднял руку с молотком, прицелился ударить, а сам повернул голову в сторону. И резко ударил молотком. Гвоздь вошел в доску по самую шляпку.

– Ты что же, вслепую забил?! Не видя молотка и гвоздя?! – воскликнул я.

– В том-то и дело! Рука так натренирована, что сама помнит прицел. Хочешь попробовать?

Я, конечно, хотел. Раз десять пытался так забить гвоздь, но ни разу даже не попал по нему. Рука не слушалась.

– Не огорчайся, – успокоил меня Эрик. – У меня тоже раньше не получалось. Надо много тренироваться. И топором надо так же ловко владеть, чтобы в одну точку дважды попасть.

– Ты и топором можешь работать? – удивился я.

– Нет, топором я еще плохо владею. Так, сухое деревце срубить, колышек затесать. Еще дрова поколоть, которые без сучков, – пояснил он. – Давай-ка я тебе покажу главное, – и он подвел меня к новой собачьей будке. – Вот, посмотри.

– Что тут смотреть? – удивился я. – Будка как будка.

– Э, нет. Стенки-то двойные, из тонких досок, называемых вагонкой. С воздушной прослойкой между стенками, чтобы теплее было. И дверца, как задвижка на колесиках, и ручки с двух сторон на дверце, чтобы собака сама могла закрывать-открывать ее носом. От ветра защита зимой. И заметь, я сам это все сделал по папиному совету.

– Вот здорово! А собака твоя уже научилась дверцу закрывать?

Эрик нахмурился, тяжело вздохнул.

– Обязательно научится, я уверен. А пока нет собаки, – сказал он и снова тяжело вздохнул. – Был у нас песик любимый, Полканом звали. Да весной чем-то заболел и умер. Сказали, что заразная болезнь, – пришлось и будку старую сжечь. Я так плакал, так плакал! Как девочка какая-то.

Мне казалось, что Эрик почти взрослый: такой умный и рассудительный. Такой не может плакать. Но ведь не будет он сам на себя наговаривать! За доверчивость ко мне я еще больше стал его уважать.

– Мы уже нашли хозяйку, у которой собака должна вот-вот ощениться. Тогда возьмем у нее щенка, опять назовем Полканом, мечтательно сказал Эрик.

Пришли с работы его папа и мама. Нас позвали в дом. Там на столе уже все было приготовлено. Кроме нас были еще гости – несколько финских женщин и мужчин, видимо соседи. Бабушку Фиму, как почетного гостя, посадили рядом с бабушкой Аккой. Нас, детей, посадили за отдельный столик. Там было много вкусного: пирожки с капустой, ватрушки с морковкой, студень, сладкий творог, винегрет, сметана, смородинный морс.

Мы проголодались, поэтому уплетали за обе щеки. Взрослые шумели, смеялись, громко разговаривали – в основном по-русски. Видимо, у них была бражка, потому что вскоре они запели. Все раскинули руки, обняли своих соседей за плечи и стали дружно раскачиваться влево-вправо в такт песне. Выходило очень красиво и здорово, будто пели не только голосами, но и самим раскачиванием. Сначала спели несколько песен по-фински. Я еще спросил у Эрика:

– О чем эти песни?

– Я тоже слов не понимаю. У нас только папа и бабушка знают финский язык. А мы с мамой лишь отдельные слова понимаем. Да и зачем нам знать?

Потом взрослые стали петь русские песни: «На Муромской дорожке», «Живет моя отрада», «Мой костер в тумане светит», «Провожание» и много других. Некоторые песни мы с Тоней знали наизусть и стали подпевать взрослым. Эрик не пел и все удивлялся:

– Откуда вы знаете столько песен?

– А ты приходи к нам. У нас есть граммофон с огромной трубой и куча пластинок. И я их хозяин: сам завожу, сам пластинки меняю, – расхвастался я.

– Обязательно приду. Спасибо за приглашение, – заверил Эрик.

Когда мы уходили домой, нам еще надавали пирожков и ватрушек. Очень гостеприимные финны. На улице было уже темно. Скоро глаза приспособились и дорогу различали. Бабушка после бражки была веселенькая, вполголоса напевала задорную песенку: «Эх, загулял, загулял, загулял парень молодой-молодой! В красной рубашоночке, хорошенький такой!» И сама бабушка тогда казалась мне такой же молодой и красивой.

В ноябре выпал снег, пришли морозы. По свежему снегу хорошо лепить снеговика и в снежки играть. Кто-то из мальчишек предложил разделиться на красных и белых, чтобы воевать снежками. Идея всем понравилась, только белым быть никто не хотел.

Тогда разделились на красных и желтых. Но и желтыми быть не хотели – все стремились быть красными. Едва-едва уговорили Эрика возглавить команду желтых, куда вошли еще три русских мальчика. Команду красных возглавил третьеклассник Егорка. В нее вошли Колька, я и еще один финский мальчик из второго класса.

Договорились, что кому в голову попадет снежок, того считать убитым, и он обязан выйти из боя. Попадания в другие части тела не считаются. Снежки кидать издали, в нейтральную зону не заходить. Снежки лучше приготовить заранее – штук по десять каждому.

Перед началом боя командиры объяснили своим бойцам, как им действовать. Красный Егорка велел каждому из нас обстреливать одного, назначенного ему противника. А желтый Эрик, видимо, приказал своим стрелять залпом в кого-то одного, потом – в другого. Потому что как начался бой, в красного Егорку полетели сразу четыре снежка. От залпа увернуться трудно – один снежок попал ему в голову, и он покинул поле боя. Потом поочередно желтые выбили меня, Кольку и красного финна. У противника был убит только один боец. Убедительная победа желтых, хотя по общему возрасту они были младше красных.

Бой длился десять минут. Сделали перерыв. Мы с Эриком сели на холодное бревно. Он достал из сумки две булочки с маком, одну дал мне.

– Сколько стоит такая булочка? – спросил я.
– Не знаю. Это бабушка Акка пекла.
– Моя бабушка Фима говорила, что до революции такие булочки стоили полкопейки.
– Тише ты! – прошептал испуганно Эрик и огляделся вокруг. – Нельзя хорошо говорить о тех временах. Так и в тюрьму загреметь недолго.
Его испуганный шепот крепко засел в моей памяти, послужил хорошим уроком.
Отдохнули, запаслись новыми снежками. И бой повторился. Теперь и красные применили залповую тактику боя. И победили со счетом 3:1. В третьей схватке была ничья – 2:2, а в четвертой опять победили красные.
Ух, как устали все! Собрались в одну общую кучку, шутили, смеялись. А потом спели хором песню «И от тайги до британских морей Красная армия всех сильнее!..»
Хорошо провели время на свежем воздухе! Все остались довольны.

СХВАТКА С БЕЛОФИННАМИ

К декабрю мороз обозлился. Стекла на окне покрылись сказочными узорами. Мы с Тоней почти не выходили на улицу. Валенки детских у нас не было, а в ботах, даже с двумя шерстяными носками, быстро замерзнешь. Новости узнавали только из разговоров взрослых. Тетя Нюра была в магазине – за мукой ходила. Пришла взволнованная:

– Настя, война началась!
– Какая еще война?! Что ты мелешь?!
– Правда-правда. В магазине бабы судачат. Говорят, война с финнами. Ну, как это? С белыми финнами. Некоторым мужикам повестки пришли – на войну собираться.
– Надо радио включить, – сказала мама и пошла в комнату.
– Мама, оно не работает. Наверно, сломалось радио, – крикнул я вдогонку.
Мама вернулась:
– Это ты сломал? Крутил-крутил – и докрутился?
– Почему я? Чуть что, так сразу я, да?
– А кто же еще?! Вот приедет отец, я все расскажу. Пусть разбирается.
– Ладно, не заводись. Что ты пристала к ребенку? – заступилась за меня тетя Нюра.

И это было справедливо, хоть она и не знала, в чем дело. Потому что радио сломал Колька. Мы слушали с ним какой-то рассказ про буденовцев. Он хотел сделать погромче – так сильно крутанул регулятор, что там хрустнуло, и радио замолчало. Но не мог же я съябедничать про Кольку!

Все помолчали. И Колька молчал. Потом тетя Нюра сказала раздумчиво:

– Может быть, и наших мужиков пошлют воевать...
– Вроде бы не должны. Все-таки военизированная пожарная команда, – возразила мама.
На другой день приехали папа и дядя Ваня. Они подтвердили, что да, война идет. Война с белофиннами. В тридцати километрах от Ленинграда грохочут пушки, солдаты сходятся врукопашную.

– Нас с Иваном не возьмут, можете не волноваться, – сказал папа. – И вообще, через пару недель все закончится. Перебьют этих финнов наши танки и пушки.

– А кто же начал войну? Неужто финны полезли? – спросила мама.
– По радио говорят, что белофинны первыми обстреляли нашу границу и наши были вынуждены объявить им войну, – уклончиво ответил папа. – Подойди-ка сюда, сынок, – позвал он меня.

Холодок подступил к моему сердцу. Подумал, что мама пожаловалась про радио. Я подошел. Папа взял меня за плечо, притянул к себе и тихо сказал:

– Ты, говорят, с финским мальчиком дружишь?

– А что, нельзя, да? – надулся я. – Он хороший, во второй класс ходит. Он будку сам сделал!

– Я верю, сынок. Но пока идет война с белофиннами, лучше с ним не дружить, не встречаться.

– Но он же не белый! Когда в снежки играли, так он за красных выступал, – соврал я немножко.

– Все равно не надо встречаться. От греха подальше. Ты понял меня, сынок?

Я не понял, что папа грехом называет. Хотел молча уйти. Но он крепче сжал мне плечо и строго-строго сказал:

– Нет, постой. Ты понял меня, я тебя спрашиваю?

– Понял, – тихо ответил я.

Папа меня отпустил. Конечно, я был огорчен папиным указанием. Ведь я собирался зайти к Эрику и посмотреть его маленького щенка. А к себе я его пригласил слушать пластинки. Теперь же придется мне сказать ему: «Не приходи». А почему? Как я ему объясню это? Ведь не могу же я сказать, что папа запретил мне с ним дружить?! В общем, как-то нехорошо получается...

Прошло три дня. Радио наше никто не чинил, оно молчало. Зато сарафанное радио, как папа его называл, исправно работало. К нам пришла мамина подруга – тетя Оля со странной фамилией Подкругляк. Жила она в местечке Кезево, в километре от нашего дома. И только переступила порог нашей кухни, запрочитала:

– Ой, что деется! Что деется! Мороз лютует, а бабы в магазин бегут, соль и спички скупают. Я тоже запаслась маленько. Бабы говорят, что ихний генерал самый главный раньше царю служил, а теперь не хочет сдаваться. На белом коне сидит, саблей машет и кричит: «Всех русских солдат зарежем!» Вот страсти какие!

Она перевела дыхание. Мама, тетя Нюра и мы с Колькой слушали молча, не могли вставить словечко. А тетя Оля продолжала скороговоркой:

– Еще бабы судачат, будто бы накануне войны мальчишки в снежки воевали. Команда красных против белых, где одни финны были. Так эти белые победили красных! Слыханное ли дело?! И зачем только они это сделали? Напророчили войну, этакие паршивцы!

– Это неправда! – вмешался Колька. – Там были красные и желтые, а белых вообще не было. Мы с Витей были в команде красных и победили два раза, а желтые – только один раз.

– Вы еще малы, даже в школу не ходите, – не сдавалась тетя Оля. – Вы ничего не поняли, а бабы все знают, все понимают.

Она наконец сняла пальто, галоши с валенок, вошла в нашу комнату. И только здесь объявила жалостливым голосом:

– Моего-то Ванечку на войну забирают, повестку прислали, – и заплакала. Достала носовой платок, сначала высморкалась в него, потом слезы вытерла. – Ваня велел тебя с Николаем пригласить на завтра, на проводы, – сказала она моей маме.

В конце декабря я случайно встретил на улице Эрика.

Поздоровались, помолчали. Я боялся, что он позовет меня посмотреть щенка. А Эрик вдруг задумчиво так сказал:

– Моего папу забрали. Сказали, что в армию. Но почему-то очень быстро, даже не дали проститься. И писем все нет от него.

Мы с мамой не знаем, что и думать, куда писать.

Он помолчал полминутки, разбивая комья снега ногой, и продолжал:

– Мне мама сказала: «Вите лучше к нам не приходите. И не дружить. От греха подальше».

– Так и сказала?! – удивился я. Ведь последние слова точно совпали с папиными словами о каком-то грехе, которого надо бояться.

– Так и сказала, – грустно подтвердил он. – И она права, тебе лучше со мной не встречаться.

– Но ведь после войны мы снова можем дружить? – убеждал я его и себя.

– Будем надеяться, – тяжело вздохнул Эрик, пожал мне руку и пошел к дому. Грустный-грустный.

Я долго смотрел ему вслед. Сердце у меня защемило.

Новый год мы встретили по-тихому. Радио наше молчало. Скромная елочка, старые игрушки, флажки, свечи, конфеты, печенье на ниточках. Песен мы не пели. Зато подарки под елкой нам с Тоней понравились: ей – коробка с посудой для куклы, а мне – набор печаток со штемпельной подушечкой. На каждой круглой печатке наклеена резинка с выпуклым рисунком. На рисунках – самолеты, танки, пушки, солдаты с винтовками, конники с шашками на боку. Еще командиры, генералы, летящие бомбы, снаряды и взрывы. Даже были санитары с носилками и пограничник с собакой. Хороший подарок. Теперь мне одному или с Колькой можно будет разыгрывать целые сражения! Можно и Эрика пригласить.

В начале января папа, мама и мы с Тоней поехали в Ленинград на елку. Папе на работе выдали билеты. Встали рано-рано, чтобы на елку не опоздать. От нас до станции – полтора километра. Папа нес Тоню на руках, а мама вела меня за руку. Было темно. Мороз щипал нос и щеки. Хорошо, что ветра не было.

В зале ожидания работал буфет, и папа успел купить нам полосатого мармелада. Подошел поезд, мы сели в детский вагон. На окнах – двухсторонние занавески с бахромой, на стенках у каждой лавочки – цветные картинки из детских сказок. Мы с Тоней обегали весь вагон, рассматривая картинки. Потом мама уложила меня и Тоню спать на лавочках. Колеса выстукивали: «На-до-спать, на-до-спать, на-до-спать». И мы быстро уснули.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.